

Кумовская мельница. Маленькая деревенька, вдалеке от проезжих дорог, на берегу реки, доживала свой век. И с оставшимися жителями неизбежно приближалась к концу столетия нынешнего.

Когда-то здесь была мельница, а теперь осталась только заводь. В былые времена ездили сюда с окрестных деревень мужики. Везли зерно, мололи муку, занимались своим тяжелым крестьянским трудом. Теперь осталась одна улица с покосившимися домишками, заросшие огороды с пряслами из жердей. Да жителей человек двенадцать.

Дорога тоже одна, теперь по ней можно пройти только пешком. Или проехать на гусеничном тракторе, если он не утонет в распадке, у ручья с названием Журавлик.

Двое городских охотников медленно вышли из леса и направились к ближайшему дому. Рядом с колеей, а это и была дорога, на бревне сидела старушка. Из-под приставленной к глазам скрюченной ладони разглядывала городских.

Высокие, здоровые, с большими рюкзаками, в военной пятнистой одежде, они устало шагали к жилью.

- Здорово, бабуся!

Мужики сбросили с плеч туго набитые рюкзаки, из которых торчали чехлы с ружьями. Лица их были красные, распаренные быстрой ходьбой. И начали расспросы.

Расспросили, у кого остановиться можно, есть ли у кого лодка и, может, кто покажет здешние места.

- Один у нас охотник-то остался, - тяжело вздохнула бабка. - Костя. Только на охоту он давно не ходит, а лодка у него есть. Вон в предпоследнем доме живет, елка у него около дома растет.

Мужики подхватили свои тяжелые рюкзаки и отправились договариваться к Косте. Костей оказался маленького роста дед, седой, худенький со скрюченными узловатыми пальцами на коричнево-бронзовых руках.

Договаривались долго, дед не соглашался. Городские и денег предлагали, и продуктов, и водкой-то заморской соблазняли деда. Не взяло. Тогда эти пройдохи начали расспрашивать деда, где места-то хорошие да почему он сам перестал охотиться?

- Стар я стал, - хитро прищурился дед, - да и припасы нонче дорогие, где денег-то взять? А если и деньги есть, до города добраться для меня теперь - что Берлин второй раз брать.

Так слово за слово разговорили мужики деда, разбредили душу старого охотника. Рассказал он им об охотах, о заводах, о количестве дичи в былые времена.

- Так может, съездишь все-таки с нами, покажешь места, патронов мы дадим. Постреляешь на зорьке.

- Стреляю я только один раз, дряня, - дед тоскливо смотрел в покосившееся окно. - А сколько патронов-то дадите?

- Ну, сколько? - мужики

оживленно переглянулись, - ну, по десятку пойдет?

- Не, езжайте без меня, - махнул дед скрюченной рукой.

- По пятнадцать, ну, давай по двадцать.

Дед поскреб затылок, закатил глаза к потолку, что-то обдумывая.

- По двадцать пять.

- Ну, черти, сговорили! Схожу еще разок, может, последний.

Мужики отсчитали деду по двадцать пять патронов и выставили на стол фигурную бутылку с заграничной этикеткой.

- Давай по маленькой.

Дед не отказался. Кликнул бабку. Та появилась, молча посмотрела на бутылку и ушла, вернувшись через минуту с оцинкованным ведром в одной руке и стопками в другой.

Дед расставил на столе три рюмки, достал из ведра хлеб в полиэтиленовом пакете, шмат копченого сала, яйца. Бабка принесла в фартуке полный подол свежих огурцов и помидоров.

Мужики достали банку консервов, порезали копченой колбаски, быстро скрутили отвинчивающуюся пробку, налили по рюмочке.

- За удачу.

Выпили. Дед сморщился.

- Тьфу, дрянь какая!

- Да ты что, дед. Это джин.

- Дрянь она и есть дрянь, хотя и заморская! Бабка! - Зычно крикнул дед в двери.

Вновь появилась молчаливая бабка, на том же молча поставила на стол поллитровую бутылку, заткнутую газетой, и удалилась.

- Попробуйте-ка моей домашней. Это первачок.

Дед налил в эти же рюмки прозрачной жидкости с зеленоватым отливом и первый выпил, закусав кусочком хлеба.

- Ну, вы сидите, а я пойду лодку посмотрю.

Мужики последовали его примеру. Хватили по рюмочке и ... Не охнуть, не вздохнуть. Слезы, сопли, дыхание перехватило. Через пару минут к ним вернулся дар речи.

- Ну и первачок! Ну и дед! Силен!

Рано утром на лодке, сколоченной из досок, дед по-

вез мужиков в затоны. В правую сторону река делала петлю и образовывала как бы второе русло. Там впадали в реку ручьи, и километра на три тянулись заводи, болотинки, по берегам густо поросшие кустарником. Рай для уток.

Дед посадил охотников в разных концах болотинки. Показал, как выбраться на берег реки пешком. Мало ли что. И в конце показал, где будет сидеть сам. Ружья у деда не было видно. Из-под мешковины выглядывала какая-то черная от времени палка, грубо отесанная топором.

Охота была в разгаре. Городские охотники палили по уткам. А вот со стороны деда выстрелов не было слышно, хотя в его сторону свалилось несколько небольших табунков.

Неожиданно раздался звук, похожий на раскат грома. Выстрел был как из пушки. Показалось даже, что верхушки мелких сосенок качнулись от выстрела. Эхо медленно покатило среди кустов, отразилось от леса и ушло обратно в сторону реки.

Охотники забеспокоились, что это такое? Может, у деда разорвало ружье? Хотя оба были в разных местах, они почти одновременно добрались до заводи, где должен быть дед.

Лодка стояла у берега, дед сидел рядом и держался за правую щеку. Под глазом наливался огромный синяк. На поверхности воды лежало с десятков уток, а в лодке лежала та палка, что выглядывала из-под мешковины. К палке был примотан проволокой восьмигранный ствол, толщиной в руку, и примерно более метра длиной. Какого калибра было это оружие, на глаз не определишь. Ствол еще слегка дымился.

- Ну, дед, ты и стрельнул!

- Да рази это выстрел, - дед еле открывал рот, - маловат зарядот. Раньше бывало зашиплешь две-то горшты, да как пальнешь. Уток не меньше шотни. А лодку аш на берег выносило, и "фонари" - под обоими глазами...